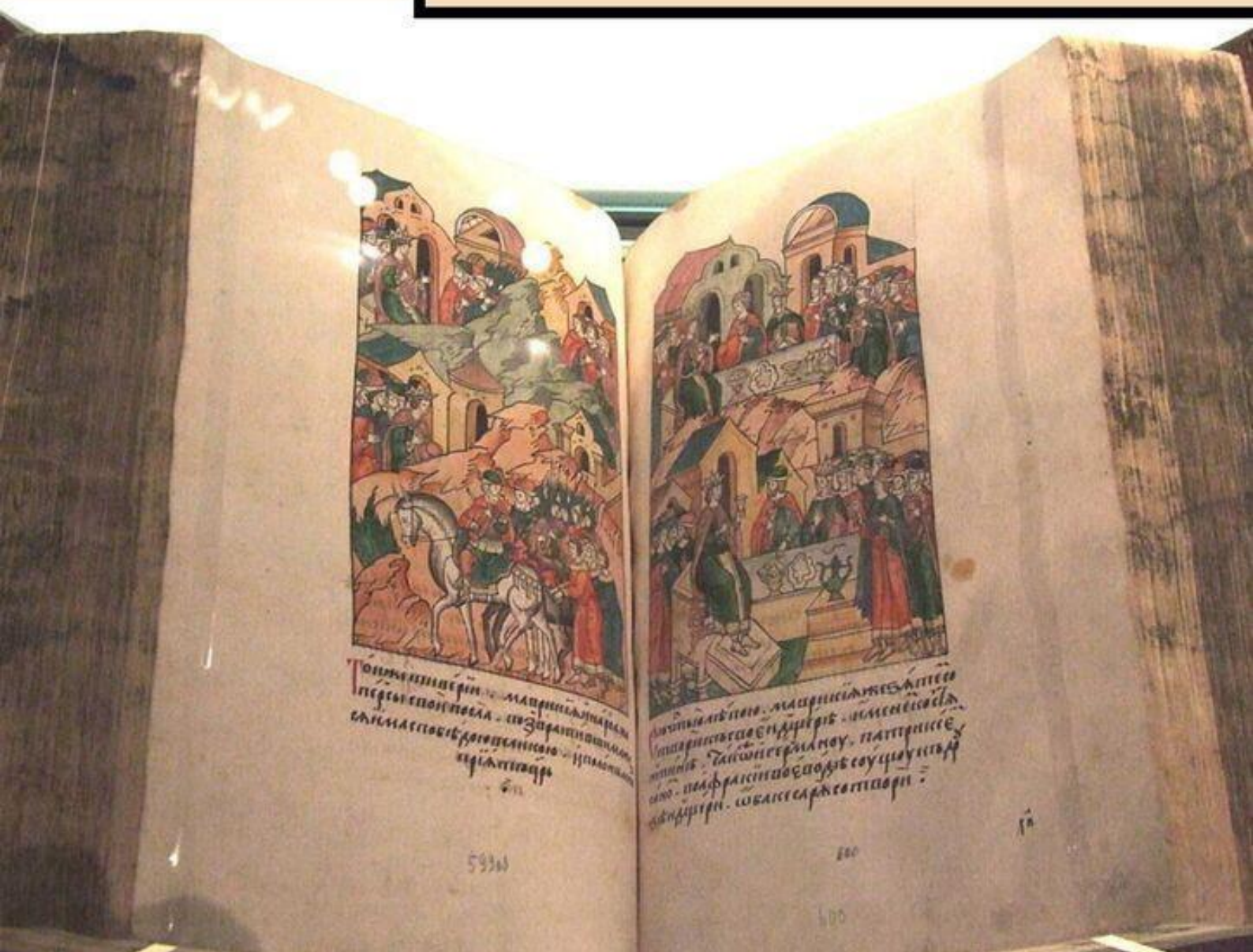

18+

КОНСТАНТИН БОНДАРЬ

НА ПУТЯХ СЛАВИСТИКИ И ИУДАИКИ

Константин Бондарь

На путях славистики и иудаики

«Издательские решения»

Бондарь К.

На путях славистики и иудаики / К. Бондарь — «Издательские решения»,

В экспериментальной книге филолога-слависта и востоковеда соседствуют несколько жанров: семейные рассказы, очерки встреч с учителями и коллегами, работы по истории русской литературы и еврейско-славянских культурных контактов. Для читателей, интересующихся мемуарным жанром, средневековой книжностью и современной прозой, иудаикой, историей науки.

© Бондарь К.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Начало пути	7
Прогулки с дедом	7
Свет блуждающих звезд	13
Этюды о чуде	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

На путях славистики и иудаики

Константин Бондарь

© Константин Бондарь, 2026

ISBN 978-5-0071-1564-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Прогулки и беседы с дедом в школьные и студенческие годы были для меня школой, предопределившей выбор будущих занятий. А семейные рассказы о еврейских актерах стали одним из источников моего интереса к иудаике. В Харьковском университете я посещал семинар Е. Ф. Широкоград и писал о том, как говорится о чудесах в Евангелиях, житиях святых и художественных текстах. Продолжив средневековые штудии в Институте стран Азии и Африки при МГУ, я подготовил магистерскую работу по повестям о царе Соломоне в древнерусской книжности.

Спустя несколько лет при поддержке Л. Г. Фризмана я защитил кандидатскую диссертацию по текстологии повестей о Соломоне. За годы нашего общения и особенно после его смерти сюжет судьбы самого профессора стал одной из тем для размышлений. Я писал и о забытых литераторах — персоналиях словаря «Русские писатели. 1800—1917», и о творчестве Евгения Водолазкина. Этюды о чудесах, публикации о Соломоновом цикле повестей и статьи для словаря — главное из того, что мне удалось сделать.

Десятилетие в Соломоновом университете — лучшее время в моей карьере преподавателя. Созданный в Харькове Б. С. Элькиным, он стал нашим «Ноевым ковчегом» в бурных волнах перемен 1990-х — 2000-х гг. От Соломонова университета тянется нить к Музею еврейского народа АНУ («Мы») в Тель-Авиве. О музее говорится в нашей беседе с Михаилом Гольдом, завершающей эту книгу. Музей не только связывает мой прежний опыт с тем, чем я занимаюсь сегодня, но и в самой своей архитектуре воплощает живое дерево еврейского народа, от плодов которого может свободно вкусить каждый.

Константин Бондарь

Начало пути

Прогулки с дедом

«Дорогой дедушка! Я хочу рассказать тебе о том, что произошло со мной и с тобой с тех пор, как ты умер...» — так начала Бел Кауфман свое письмо Шолом-Алейхему. Ей было пять лет, когда не стало деда, но всю жизнь он незримо был рядом. «Письмо деду» — так и я мог бы назвать эту книгу.

Пожилой мужчина и мальчик неторопливо беседуют о чем-то, прогуливаясь по аллеям городского парка. Мужчина иногда останавливается, чтобы закончить рассказ или припомнить забавный эпизод. «Кто знает?» — риторически завершает он паузу. Скучать собеседникам некогда: они составляют рейтинги великих писателей, перечисляют римских императоров и русских царей или принимают говорить о фокусниках и дрессировщиках. Мальчику не хочется уходить домой: названия книг и фильмов, имена философов и киноактеров, образы далеких городов и стран, мелькающие, как в калейдоскопе, оставляют радостное чувство выхода за будничные рамки. «Извини, если что не так! Отбей телеграмму!» — протягивает старший на прощание руку.

Множество имен я услышал тогда впервые. И мое имя дал мне дед. Обсуждая этот выбор, мы вспоминали великого императора и маршала Рокоссовского, Паустовского и Симонова, ставшего из «Кирилла» «Константином», и «Костю-моряка». «Константин!» — с гордостью произносил дед. «В переводе с античного — „постоянный“», — продолжаю я про себя голосом Костика из «Покровских ворот»...

Прадед Израиль Бондарь числился до революции «балтским мещанином», а его тесть Елисаветский был торговцем в соседнем Вознесенске. Украинцы, поляки и евреи жили в этом уголке Подолии в тесном соседстве. В «двадцатом страшном веке» большой семье прадеда посчастливилось выжить. Родившийся в селе Волощино Кривоозерского района Николаевской области, Михаил вырос в краю шахтеров и металлургов, в Енакиево, где Бондари жили с 1931 г. Пристрастившись к чтению, он навсегда сохранил пиетет перед печатным словом. Стремясь к большему, он стал филологом, но жил скорее как историк: преподавал историю и обществоведение, интересовался политикой и публицистикой, следил за прессой. Юноша из глубинки не был провинциалом. Только горячность свою сохранил он до старости, был нетерпим к мелочности, ограниченности, самодовольству. Мог осадить зарвавшегося хама крепким словом.

Всегда казавшийся мне пожилым, дед начал быстро стареть после первого инфаркта. Я родился, когда ему исполнилось пятьдесят, а в школу пошел незадолго до его раннего ухода на пенсию. Покончив с прочим, он занялся главным делом своей жизни — общением с внуком. Но мне до него надо было еще дорасти: дед предлагал партнерство, а не покровительство, и ожидал от собеседника самостоятельных умственных усилий.

Внук и дед. 1978 г.

«Жить среди книг — хотя б и не читая...» Плотно уставленные книжные полки тянутся к потолку. Это квартира бабушки и дедушки, куда я прихожу почти каждый день. Дед — хранитель и знаток всех этих книжных богатств. До расцвета современной книготорговли он не дожил, и потому бо́льшая часть его собрания — подписные издания, мемуары, писательская переписка, двухтомники избранного русских и зарубежных писателей, работы о кино и театре, детективы, альбомы по искусству, — была родом из благополучных семидесятых-восемидесятых. На ночном столике возле его кровати всегда лежали «Опыты» Монтеня, «Разговоры с Гёте» Эккермана, книжечка эссе Андре Моруа. Особенной любовью деда пользовались серийные тома «Литературных памятников», «Библиотеки античной литературы» и «Библиотеки литературы США». Покупка книг превращалась тогда едва ли не в детектив, и страсть библиофила требовала немалой изобретательности.

С некоторыми книгами связаны особые воспоминания. Иной раз дед произносил: «А не почитать ли нам Гоголя, господи?», — и за этой Достоевской фразой следовало совместное чтение нескольких страниц из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Часто мы читали отрывки из «Жизни двенадцати цезарей» Светония или из книги Елены Федоровой «Императорский Рим в лицах». Таким же постоянным чтением по искусству был сборник «Пятьдесят биографий мастеров западноевропейского искусства» с черно-белыми иллюстрациями. Почти все из программы филфака было дома у деда, и затруднений в поиске книг во время учебы у меня не было. «Книга воспитывает своим присутствием», — словно о нашей библиотеке говорил Сергей Капица.

Немало часов мы провели, слушая музыку: бетховенскую Пятую симфонию, и «Лунную сонату», и «Аппassionату». Как-то дед принес пластинку с «Реквиемом» Моцарта, и мы не раз замолкали, замороженные звучанием хора. А были еще записи Баяновой, Вертинского, Лещенко, Утесова, Юрьевой. И еврейскую музыку я впервые услышал у деда: народные песни на идише пел Соломон Хромченко.

Мечтавший в юности стать киномехаником, дед хорошо разбирался в киноклассике и следил за новинками. Наслушавшись рассказов о звездах немого кино, трофейных лентах, захватывающих приключениях, я шел с ним на фильм про индейцев с Гойко Митичем, или «Великолепную семерку» с Юлом Бриннером, или «Старое ружье» с Филиппом Нуаре.

А дедова коробка шахмат! Крупные точеные фигуры не помещались под крышкой. После обеда они расставлялись на доске. Я слушал объяснения деда, вместе с ним анализировал варианты ходов и все же — проигрывал. Если же мне случалось заночевать у них, утром дед неизменно встречал меня наполеоновским: «Вставайте, сир! Вас ждут великие дела!..»

В бой вздымала команда «В ружье!»

Иль несли минометы в гору —

Одного я не ведал в ту пору:

Где находится сердце мое...

— прочитал я однажды в его блокноте. Как девятнадцатилетний, дед попал на фронт вскоре после начала войны. Отца и младшего брата призвали позже. Подчеркивая год своего рождения, 1922-й, Михаил Бондарь считал послевоенную жизнь подарком: немногие из его сверстников вернулись с фронта. О ком-то (например, о любимом поэте Юрии Левитанском) дед мог сказать: «Он моего года», и этой лаконичной характеристики было достаточно.

Отучившись на курсах офицеров в Подольске, Михаил оказался на передовой лейтенантом и воевал полтора года как командир минометного расчета. После ранения в ногу в сентябре 1943-го, скитаний по госпиталям и получения инвалидности (легкая хромота осталась навсегда) лейтенант Бондарь продолжил службу особистом и встретил день победы в Берлине. Не раз я слышал его любимый рассказ — о поездке к старику-писателю, нобелевскому лауреату Герхарту Гауптману. Кто-то сообщил, что тот голодает. Гауптман встретил советских солдат в кресле, под пледом, и сказал им, что готов искупить свою вину смертью. Узнав, что ему привезли продукты, писатель был растроган. Когда деда просили рассказать о войне, он выбирал эту простую историю, в которой умолкают пушки и звучат иные голоса.

Назначенный начальником лагеря военнопленных, лейтенант Бондарь оставался на службе еще четыре года. В лагере содержались румыны и венгры — солдаты армий-союзниц вермахта. Трудившиеся на стройках, позже они по соглашениям с новыми правительствами были отправлены на родину, и за доставку одной из таких партий отвечал дед. Тогда во второй и последний раз побывал он в Европе.

Демобилизовавшись в 1949-м, дед поступил в Харьковский университет. Учился он на отделении журналистики заочно, по ускоренной программе. Те два университетских года дед вспоминал как лучшие в жизни и гордился полученной квалификацией литературного работника. Учиться пришлось в трудное время. Разгоралась кампания против «космополитизма», и ее жертвой стал литературовед, театральный критик Лев Лившиц. В учебном плане значился курс «Основы сталинского учения о языке». И экзамен по основам марксизма-ленинизма (вопрос касался одной из работ Ленина) проходил так:

Студент: «в своей работе Владимир Ильич Ленин...»

Преподаватель: «и товарищ Сталин...»

Студент: «...следующим важным утверждением Ленина...»

Преподаватель: «и товарища Сталина...»

Студент: «...наконец, делает вывод Владимир Ильич...»

Преподаватель: «и товарищ Сталин...»

Многие студенты прошли войну; среди преподавателей тоже были вчерашние фронтовики — Моисей Зельдович, Георгий Шкляревский и другие. В такой серьезной аудитории и

«градус» взаимного уважения был высок: так, кто-то из преподавателей просил старосту ставить перед лекцией на кафедру стакан крепкого чая. Как-то вместо чая в стакане оказался коньяк. Лектор выпил его не моргнув глазом и приступил к занятиям. О своих учителях — лингвисте Александре Финкеле, литературоведах Валентине Кнейчере и Марке Чернякове — дед отзывался с теплотой. С последним, руководителем его дипломной работы «Очерки М. Горького „По Союзу Советов“», он и после университета поддерживал добрые отношения.

Назначенный сразу после получения диплома директором школы, Михаил Бондарь с семьей оказался в Лубнах Полтавской области. Его жена — моя бабушка Вера Каплан — окончила пединститут и работала учительницей русского языка. «Хто такий директор школи? — приветствовал молодого директора начальник районо. — Це такий стовп, об який кожна свиня спину чуха». Отработав положенные три года, дед еще раз отправился попытать счастья — в Енакиево, где жили его мама и младшие сестры. Но как бы трудно ни жилось в областном центре в середине 1950-х, в небольших городках было еще труднее. По специальности, хоть и не вполне, он проработал только три года: два — цензором Главлита и год в типографии политехнического института. Ему пришлось быть школьным учителем истории и обществоведения, завучем по производственному обучению, преподавателем политэкономии в техникуме общественного питания. Эту свою последнюю работу он полюбил и задержался на ней дольше других, найдя наконец свое призвание. Тогда, в 1968-м, ему исполнилось сорок шесть, а в 1980-м пришлось выйти на пенсию по инвалидности. Но в техникуме его не забывали, и он продолжал бывать там на партсобраниях, а иногда заменял заболевших коллег.

Оказавшись на пенсии, Михаил Бондарь вел деятельную жизнь. Ежедневный маршрут пенсионера складывался из посещения книжных магазинов, прогулки по парку, покупки газет и лекарств в аптеке. Эпоха доступной кардиохирургии еще не наступила, и сердечникам приходилось уповать на искусство лечащего врача и строжайшее соблюдение режима.

Деду повезло: в нем уживались жесткая дисциплина и мощное жизнелюбие. Оно проявлялось и в некотором щегольстве, с которым он выбирал и носил одежду, особенно галстуки. В молодости дед пользовался успехом у женщин, и мы много говорили на эту тему. Точнее, говорил он, а я только слушал, ибо в этом мы оказались с ним непохожи. Он успел увидеть мою будущую жену и остался на мой счет спокоен. А как он хотел дожидаться правнука! «Хотя бы одним глазом взглянуть на него, на Алешу!» — шутил дед, ожидая, что правнука назовут в честь моего деда по матери. Но вышло иначе: Михаил, родившийся после смерти прадеда, носит его имя. Два Михаила совсем разные, но думаю, что они понравились бы друг другу — минометчик Второй мировой и боевой инженер Цахала: как минимум, одна общая черта у них есть — страсть к оружию.

В Израиле дед никогда не бывал, но в последние годы взвешивал перспективы отъезда. Не будучи религиозным человеком, он не придавал значения метафизической стороне еврейства. А физическая, так сказать, сторона принесла ему немало огорчений и воспринималась скорее с досадой. Итог его размышлений об этом сводился к тому, что «на Руси» евреем лучше не быть. Говоря о «Руси», он имел в виду территорию русского языка и русской культуры, частью которой он был.

Пытаясь прояснить происхождение нашей фамилии, дед предполагал, что среди его предков были украинцы. По его словам, дед Меер Бондарь, родившийся православным, перешел в иудаизм, чтобы жениться на прекрасной еврейке. Обычно в России той поры такая межконфессиональная любовь, напротив, заканчивалась крещением, и версия деда казалась фантастической. Позже у меня возникла догадка, связанная с историей Меера и его жены Хаи. Прапрадед, георгиевский кавалер, в семье считался то ли погибшим на фронте, то ли убитым при погроме в Гражданскую. Между тем, как рассказывал дед, бабушка Хая, встретив во время войны австро-венгерского офицера, влюбилась без памяти и ушла из дому, оставив детей и

мужа, но вскоре вернулась, осознав свою ошибку или убедившись в непрочности нахлынувших чувств. А мой кузен Роман слышал от своей бабушки, сестры моего деда, глухие отрывки слухов об ушедшем из семьи и крестившемся дедушке, которого с тех пор считали умершим, как было принято у евреев. Не это ли основа истории о романе с красавцем-офицером, только наоборот? И не здесь ли кроется исток мнимой родословной? Возможно, дедова память по-своему сохранила услышанные в детстве пересуды, а может быть, желая оправдать своего деда, он представил героиней адюльтера бабушку. У деда были свои отношения с прошлым. Мои предположения — не более, чем тень от тени.

«Ты будешь работать над словом!» — предсказывал дед, когда я осенью 1989-го поступил на русское отделение харьковского филфака, не вполне понимая, в чем, собственно, заключается профессия филолога. «Над чем ты сейчас работаешь?» — спрашивал он частенько, ожидая подробного ответа.

На I курсе мы впервые услышали о русских книжниках — тружениках монастырских скрипториев. Мой опыт общения с Древней Русью состоял из детской поездки во Владимир и Суздаль, книги Евгения Осетрова «Твой Кремль», двух-трех строк в учебниках, нескольких экспонатов исторического и художественного музеев, мельком увиденных церковных интерьеров. На этом фундаменте строились курсы старославянского языка, древнерусской литературы и введения в славянскую филологию, причем последний оказался одним из сильнейших впечатлений за все годы учебы. Виктор Андреевич Маринчак прочитал курс введения виртуозно, с присущим его лекциям оттенком интеллектуального пиршества. Это был прямой разговор о жизни, облаченный в завораживающую форму путешествия во времени. Знакомя нас со славянскими древностями, лектор приоткрывал дверь в мир филологии, пророчески предвидя, что лишь единицы в огромной лекционной аудитории станут филологами. Говоря со студентами о серьезных вещах в доверительной манере, Виктор Андреевич давал понять главное: быть филологом труднее, чем кажется. В попытке «преодолеть произвол» и приобщиться к «возможностям человеческого понимания», как описывал С. Аверинцев призвание филолога, я пришел сначала к изучению концептов — терминов культуры, закрепленных в языке, затем к археографии и текстологии рукописных памятников, а после защиты диссертации — к литературному источниковедению. Школьником я услышал от деда о перспективности занятий на стыке наук. И в конце девяностых навыки лингвиста и текстолога оказались незаменимы при знакомстве с возрождавшимися еврейскими исследованиями. Так я попал в небольшой отряд славистов, занятых славяно-еврейскими языковыми и литературными связями, — славистов на службе иудаики.

Мне было лет десять, когда дед начал говорить со мной о смерти. Впрочем, узнал я о ней раньше: мы с бабушкой часто навещали могилу ее мужа, другого моего деда, которого я не помнил, и я любил эти неспешные прогулки по тенистым дорожкам кладбища. А дед заговаривал о том, что у Юлия Цезаря однажды спросили, как он предпочитает умереть. «Внезапно», — ответил полководец. И дед комментировал: хорошо умереть на ходу, не думая о смерти и к ней не готовясь. Лучше всего — в бою. Еще, бывало, говорили мы о том, сколько прожил кто-нибудь из великих людей. И дед разъяснял, что не так важно прожить долго, как важно прожить достойно. Много лет подряд вспоминал он фразу из какого-то рассказа Уильяма Сарояна: «...а потом мой отец поменял ботинки на похоронные тапочки». И так полюбился нам этот образ, что о всяком умершем говорилось: «Вот и такой-то поменял...» Как образец поведения перед лицом неминуемого рекомендовалась поговорка запорожских казаков: «Поки я є — її нема. Вона прийде — мене чортма», и таким образом оказывалось, что бояться, в общем-то, нечего. А после семидесяти излюбленным анекдотом стал подслушанный разговор случайных прохожих, который мы, смеясь, разыгрывали в лицах:

— Сколько, говоришь, было тому деду?

— Не знаю, лет семьдесят...

— А, семьдесят? Так о чем речь?..

Михаил Бондарь прожил намного дольше, чем предсказывали врачи и предполагал он сам. Постоянно работая над собой, он стал словно больше самого себя, и даже в обыденном разговоре брал на полтона выше. Обладая кругозором ученого, дед остался «старым учителем», чтобы «нести что-то людям», как он любил говорить. За пятьдесят лет, прожитых вместе, бабушка с дедом построили свой мир, в котором царил культ слова. Они хорошо дополняли друг друга: подвижная, говорливая бабушка и вдумчивый, немногословный дед. Поздравляя его с последним, как оказалось, днем рождения, 75-летьем, я пожелал себе быть таким же дедом для своих внуков, каким он был для меня. А бабушка в своем стихотворении на случай написала:

Тебе лишь замены не будет вовек,
Еще не родился такой человек!..

Свет блуждающих звезд

В семейном альбоме сохранились фотографии провинциальных актеров Розы Каплан и Наума Трейсмана — родителей моего прадеда, Марка Каплана. Как и герою романа Е. Водолазкина «Соловьев и Ларионов», мне посчастливилось видеть прадеда и говорить с ним. Но Розу и Наума я не застал: она ушла из жизни за десять лет до моего появления на свет, а он — всего за несколько месяцев. Спустя годы детская фантазия и домашние рассказы сложились в мозаику, дополненную фактами из книг по истории еврейского театра и переписки с театроведами — И. Мелешкиной и Ф. Миндлиным.

Рейзеле была старшей дочерью в многодетной семье портного Мойши Батейко и родилась в городке Игумен Минской губернии около 1885 г. Позже, выйдя замуж (как и отец, ее первый муж Биньомин был портным), она жила со своей семьей в Чернигове, а в 1920 г. осталась вдовой с двумя сыновьями-подростками.

Сегодня мы знаем, что в начале 1920-х Роза Каплан выступала на сцене киевского театра «Кунст Винкл» («Уголок искусств»), где она встретила будущего спутника жизни, одинокого актера Наума Трейсмана, ставшего Мите и Яше вторым отцом, а позже внукам — любимым и любящим дедушкой. Наум (Менахем-Нахум?) родился в Варшаве в 1890-х годах, рос сиротой на попечении родственников, и детство его было не самым счастливым. Свои первые шаги он делал в труппе Эстер-Рохл Каминской. Не сохранив своей настоящей фамилии, он запомнился под театральным псевдонимом (выбранный им псевдоним «Трейсман», «утешитель» на идише — не что иное, как соответствие его имени).

«Кунст Винкл» был основан Ровн-Лейбом («Рудольфом») Заславским и позже возглавлялся Тевье Люксембургом¹. «Кунст Винкл» быстро выдвинулся в число ведущих идишских театров. Достаточно сказать, что в 1922 г., когда в московской «Габиме» гремела на иврите премьера «Гадибука» в режиссуре Е. Вахтангова, театр в Киеве представил «Дер дыбук» на идише (с участием Каплан и Трейсмана); в 1924-м он гастролировал в Одессе с «Ночью на старом рынке» И.-Л. Переца (московский ГОСЕТ поставит ее только через год). М. Ш. Трейсман значился в программках и «Ночи на старом рынке», и «Шапа» Г. Лейвика, и «Саломеи» О. Уайльда, а в театральных документах его амплуа записано как «неврастеник». Р. М. Каплан считалась «характерной», «бытовой», «пожилой героиней», «грандамой». Так что им были по плечу возрастные роли, скорее комического, чем драматического плана. В репертуаре были и национальные пьесы, и европейская драматургия. Так, для бенефиса Лии Буговой, ставшей впоследствии известной украинской актрисой, была выбрана драма Ф. Грильпарцера «Золотое руно» (шла в «Кунст Винкл» под названием «Ди вильде принцесн», «Дикая принцесса»), а в «Саломее» Каплан и Трейсман были задействованы вместе с Буговой и другими².

В 1928 г. театр был реорганизован в передвижной, а к 1931 г. прекратил свое существование, но Роза и Наум к тому времени уже перебрались в Минск. Здесь на основе студии Мойше-Арна Рафальского в 1926 г. возник постоянный театр — будущий Белорусский государственный еврейский театр (БелГОСЕТ). «Театр — это праздник, а всякий праздник доставляет людям радость — как тем, кто его организует, так и тем, кто на нем присутствует. Ищите музыку внутренней жизни роли, гармонию души. Артист без душевной гармонии — ремесленник», — провозглашал Рафальский. Об этом мы знаем от Анны Герштейн — дочери одного из артистов, театроведа, благодаря которой сохранились сведения о некоторых поста-

¹ Мелешкина И. А. «Кунст Винкл». Еврейский театр в Киеве первой трети XX в. // Труды по иудаике. История и этнография. Вып. 16. Евреи в мировой истории, культуре и политике. Мат.-лы Междунар. науч. конф. 26.04.2020. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2020. С. 107—122.

² Там же. С. 117.

новках. От нее же мы узнаем, что «восемнадцать молодых актеров, недавних студийцев, было недостаточно для ежедневного выхода к зрителям. И Рафальский, несмотря на свое неприятие „старого“ театра, обращается к актерам старшего поколения, имеющим профессиональный опыт»³. Среди этих актеров «старшего поколения», стало быть, были и наши герои.

Довоенное десятилетие — лучшее время в короткой истории советского еврейского театра. В 1932 г. БелГОСЕТ открылся спектаклем по пьесе А. Корнейчука «Штурм» после переезда в здание бывшей хоральной синагоги. Одна за другой выпускались премьеры, приносящие театру популярность в Беларуси и во всей стране. О нем писали в местной прессе на идише и по-белорусски. Гастроли по республике, по Украине, в Поволжье, Закавказье, Ленинграде, в занятом советскими войсками Белостоке летом 1940 г. позволили тысячам зрителей познакомиться с искусством еврейских актеров. Выездные спектакли постоянно давались на предприятиях, в колхозах и воинских частях.

Не зная всех постановок, в которых были задействованы Роза и Наум, я лишь примерно представляю себе их роли. Так, в спектакле «Ди кишефмахерн» («Колдунья») по А. Гольдфадену, постановка Виктора Головчинера, Роза Каплан играла мачеху. «Художественная точность была у Р. Каплан (властная, распущенная, грубая мачеха)», — читаем у Герштейн⁴. На одном из сохранившихся снимков актриса запечатлена в роли Слепой Королевы из пьесы «Дер фалшер кейсер» («Самозванец»), на другом — в роли Стере из неизвестной пьесы. В эти годы в театре шли «200 000», «Тевье-молочник», «Гершеле-Острополер», «Два недотепы».

В 1937 г. над театром впервые нависла угроза: был арестован и расстрелян Рафальский. Но художественным руководителем стал Головчинер, и коллектив продолжил работу. Следующим серьезным испытанием стала война, начало которой застало труппу на гастролях в Витебске. Некоторые артисты не успели эвакуироваться и погибли в гетто, другие ушли на фронт. В Новосибирск отправились актеры старшего поколения, и там театр проработал четыре года, собирая полные залы. Не успев забрать костюмы и декорации, пожилые актеры с воодушевлением мастерили их из подручных материалов. В эти годы были поставлены «Бар Кохба» и «Суламифь». Моя бабушка Вера, которая жила в эвакуации там же, в Новосибирске, была постоянным зрителем театра и приводила с собой друзей: язык не был преградой, если на сцене шло захватывающее действо. Полуголодная жизнь скрашивалась заботой о близких. Накормив мужа и внуку, Роза оставляла себе кусочки поджаренного хлеба («Вы не представляете, как я люблю жареный хлеб!» — увлеченно играла она домашнюю репризу).

³ Герштейн А. Г. Судьба одного театра. Минск, 2000. С. 45.

⁴ Герштейн А. Г. Судьба одного театра. С. 60.

БелГОСЕТ. Сцена из спектакля. Справа — Р. Каплан

Казалось бы, после войны можно было вернуться к прежней жизни. Но труппа не сразу уехала в Минск: здание театра серьезно пострадало от бомбежек, да и актерам было негде жить. К тому же вскоре БелГОСЕТ вынужденно лишился художественного руководителя. И прежнего зрителя почти не осталось — Холокост в Беларуси был особенно опустошительным. Но актеры держались мужественно и, надеясь на лучшее, играли в чужих залах.

В январе 1948 г. в Минск приехал прославленный коллега и учитель, старый друг Соломон Михоэлс. Естественно, он не мог не побывать у своих друзей — еврейских актеров, хотя должен был смотреть спектакли в других театрах. Радость встречи и надежды на будущее утром 13 января были перечеркнуты страшной вестью: Соломон Михайлович погиб! В книге М. Гейзера о Михоэлсе есть примечательные страницы, основанные на свидетельствах очевидцев. Журналист Айзик Платнер в своем репортаже «Последняя роль Михоэлса» писал:

«...в это утро весь мир был завален снежным потоком, и казалось, что люди спасались в ковчеге, только что из него вышли и теперь делают свои первые шаги по заснеженной земле... У театрального сквера, сквозь белую пелену, я увидел идущих мне навстречу актеров минского еврейского театра. Они были взволнованы, в глазах ужас. Без всяких предисловий они мне сразу выпалили: „Михоэлса убили!“ Потом мы пошли в морг. Было нас немного: я, старый актер Наум Трейстман и несколько молодых артистов — бывших воспитанников московской Еврейской театральной студии... Молодой санитар... открыл перед нами дверь. Сразу же у входа первым лежал Соломон Михоэлс. Он был в шубе, одна пола наброшена на другую. В воротнике шубы покоилась непокрытая голова Михоэлса. Нижняя губа, хорошо знакомая по фотографиям, была опущена, будто он чем-то недоволен, обижен. Левая щека опухшая, заплыла кровоподтеком, как после кровоизлияния...»

Судебный эксперт Валентина Карелина вспоминала:

«...в толпе не только плакали и молились. Наум Трейстман: — Помните его Тевье-молочника, его золотые слова: «Знаете ли вы, что есть Бог на свете? Я не говорю, мой Бог или ваш Бог, я говорю о том Боге, об общем нашем Боге, который там наверху сидит и видит все подлости, что творятся здесь, внизу...»

Первый голос: — Наум, умоляю вас! Говорите шепотом.

Второй голос: — Вы нас всех погубите!

Третий голос: — А что, разве уже нельзя читать Шолом-Алейхема?

Наум Трейстман: — А его великий король Лир: «Нет, не дышит! Коню, собаке, крысе можно жить, но не тебе. Тебя навек не стало, навек, навек, навек, навек, навек! Мне больно...» Эдгар: «Он умер». Кент: «Удивительно не это, а где он силы брал, чтоб жить так долго». Лир: «Боги, в высоте гремящие, перстом отметьте ныне своих врагов! Преступник, на душе твоей лежит сокрытое злодейство. Опомнись и покайся! Руку спрячь кровавую, непойманный убийца!»

Второй голос: — Эти актеры всех нас погубят.

Снежная буря усиливается. И у всех в толпе, стоящей неподвижно, уже по две шапки: своя и снеговая. Бешеный порыв ветра сносит корону из снега с головы короля Лира — Михоэlsa — Трейстмана...»

Голоса, прозвучавшие в те горькие дни, пророчили беду. И она разразилась закрытием театра Михоэlsa — ГОСЕТа, разгромом Еврейского антифашистского комитета и казнью его членов, наступлением на еврейскую культуру по всем фронтам, ростом антисемитизма и глухой вражды и, наконец, апофеозом мракобесия — «делом врачей».

Проработав еще год, БелГОСЕТ был закрыт весной 1949 г. под предлогом «нерентабельности». Актеры разошлись кто куда. Некоторым даже удалось продолжить профессиональную жизнь в театрах и студиях, а Роза и Наум переехали в Харьков, к сыновьям и внукам.

Странствия окончились. Все, что у них отныне было, — маленькая комнатка в коммуналке, нищенская пенсия и воспоминания. Но их жизнь по тем меркам была счастливой: родные были живы и жили рядом. Оставшись одиноким после смерти жены, по-матерински ухаживавшей за ним (она и была, как вспоминал сын актера Берёзкина, «а эмесе йидише маме», «настоящей еврейской мамой»), Наум стал чем-то вроде экспоната кунсткамеры, украшением хлебосольных обедов в доме пасынка и невестки. За семейным столом он декламировал монологи из какой-нибудь роли или рассказывал об актерах прошлого. Слушая его, гости не пытались сохранить услышанное или разыскать утраченное: всем казалось, что эпоха театра на идише ушла безвозвратно. И вновь слово А. Герштейн: «Сейчас уже почти никого из актеров и режиссеров нет в живых. В Республике Беларусь еврейского театра больше нет. Лишь иногда кто-то из зрителей старшего поколения вспомнит взволновавшую его сцену из спектакля или актерскую работу, оставившую в душе особенно сильное впечатление. Свои размышления, свой опыт, свое умение театр не смог передать никому»⁵.

Однако в семье актерский дар не исчез: им щедро была наделена бабушка, хотя артисткой не стала. Ее подмостками был школьный класс: работая учительницей, она пользовалась актерскими приемами, а умение сыграть экспромт не раз выручало ее в быту. Профессиональным актером стал племянник Розы Валерий Батейко, сын ее младшего брата Льва, игравший в Московском театре оперетты, а правнук Виталий Бондарь, мой отец, много лет выходил на сцену украинского драматического театра имени Т. Шевченко. В 1991 г., на волне еврейского ренессанса, в Харькове возник театр «Унзер винкл» (о «Кунст винкле» мы тогда не знали) на русском языке, и отец сыграл в нескольких постановках. Но время было отъездное, актеры покидали и театр, и страну. С 1996 г. отец тоже жил в Германии, не возвращаясь больше к актерскому ремеслу. Но как знать, не даст ли старая лоза новых побегов?

⁵ Герштейн А. Г. Судьба одного театра. С. 91.

Этюды о чуде

Осенью 1991-го филологам-третьекурсникам Харьковского университета предстоял непростой выбор, требовавший некоторых размышлений: преподаватели кафедр русского языка, русской и зарубежной литературы объявляли набор в научные семинары для специализации и подготовки дипломных работ. Выбор студентов зависел от того, кто набирал семинар, и от предложенных тем. Бесспорными фаворитами были профессор Александр Михилёв с темами по современной французской, английской и американской литературе и доцент Маринчак, отец Виктор, который преподавал историю языка и культуры в духовно-символическом и мифопоэтическом ключе. Ведущие других семинаров тоже преподавали на нашем курсе — Лилия Быкова («Ложные друзья переводчика: русско-польские параллели»), Геннадий Зельдович («Русские временные квантификаторы») и прочие.

Среди них была и профессор кафедры русского языка Ефросинья Фоминична Широкоград, а ее семинар назывался «Историко-семасиологическое изучение лексики русского языка». Погруженные в мечты о науке, мы с моим другом Олегом Ковалем, учившимся на втором курсе, попросили Е.Ф. о консультации, надеясь получить ориентиры в изучении санскрита: начитавшись Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, мы решили, что готовы заняться индоевропистикой. Разговора о санскрите не вышло, но что-то услышанное в той беседе поставило точку в моих сомнениях. Научный семинар был найден.

Решение учиться у Широкоград явилось по нескольким соображениям: и тяга к истории языка и славянским древностям, которую я почувствовал еще с первого курса, после лекций по введению в славянскую филологию, и ее обаяние, которое не сразу, но постепенно приоткрывалось в общении. Это было обаяние безыскусной правды, надежности и какой-то глубокой, органичной доброжелательности. Однако с ней не было просто: она не любила бездельников и говорунов, и требовалось всегда быть в тонусе. Ее нелицеприятность, равнодушие к чинам и званиям, вообще некоторая бескомпромиссность бросались в глаза. Привычное: «Работать надо!» — раздавалось на лекциях, в беседах с глазу на глаз, в отзывах о диссертациях и книгах. Но когда она видела интерес к своему предмету или толково проделанную работу, взгляд ее теплел. «Все мы вышли из теплых рук Ефросиньи Фоминичны Широкоград, как русские писатели из гоголевской шинели, — писал О. Коваль. — Или из ее теплой кофты — мне кажется, она всегда была в нее одета».

Репутация взыскательного руководителя способствовала отсеву семинаристов. В конечном счете нас осталось пятеро. Работа планировалась индивидуально, с учетом темы каждого студента, а встречи с руководителем проходили как обсуждение найденных в текстах словоупотреблений, разбор словарных значений и библиографических ссылок. Любой, даже многократно проверенный текст, после ее правок пестрел пометами. От каждого требовалось ведение картотеки с библиографическими описаниями и словарными статьями. В ходе длительных поисков мы нашли тему — «Концепт „Чудо“ в языке и культуре восточных славян». После выхода в свет сборника статей «Логический анализ языка. Культурные концепты» слово «концепт» не сходило с филологических уст; заданное им направление становилось модным. Материал набирался, в основном, за счет этимологических разысканий по слову *чудо* и однокоренных, а также *диво* и его словоформ. Дополнительно фиксировалось словоупотребление по литературным памятникам, начиная с древнейших житий и заканчивая современной беллетристикой; выявлялся массив словарных значений по всем доступным словарям славянских языков.

Семинарские занятия продолжались два с половиной года, и после них я с отличием защитил дипломную работу. «На добрую память с пожеланием успехов. Е. Широкоград» —

такой надписью на выпуске «Вестника Харьковского университета», в котором опубликована ее статья об этимологии слова *дева*, мой научный руководитель отметила незабываемый день защиты.

«...В её доме не было признаков старости. Это поражало в первый момент, но потом не удивляло. Даже не замечалось, как её возраст. Вероятно, за этим приходили сюда — за временем, которое не умирает, за историей, которая не кончается». Написанные о другом человеке, эти строки как нельзя лучше подходят профессору Широкоград. Я часто бывал у нее дома, в однокомнатной квартире на пятом этаже хрущевки, где она жила в окружении рукописей и книг и где шли наши неспешные разговоры, приправленные растворимым кофе со сгущенным молоком. Изредка Е. Ф. приходила и к нам домой; мы встречались на заседаниях харьковского историко-филологического общества, в библиотеке и на конференциях. Она была желанным гостем на защите моей диссертации.

Летом 2008 г. в университете и на кафедре отмечалось ее 80-летие. Из приветственного слова «Встреча с Радостью», с которым выступила соавтор юбиляра Леонора Черняк, я узнал, что изысканное древнерусское имя «Ефросинья» по-гречески означает «радость». Получается, мой путь к историческому языкознанию проходил под знаком «чуда» и «радости». И сама судьба Е.Ф. сложилась в согласии с ее именем. Потеряв на фронте двух старших братьев, она решила по примеру одного из них стать учительницей. В 1948 г., окончив школу, она поступила в Харьковский университет. Предполагала ли тогда девочка Ася, что вся ее жизнь будет связана с университетом? Студентка, аспирантка, молодой преподаватель, доцент, профессор — все ступени карьеры прошла она на родной кафедре. Е.Ф. была широким специалистом: в сферу ее интересов входили и грамматика, и синтаксис, и история литературного языка (ее диссертация, защищенная в 1959 г., посвящена языку произведений Ломоносова). Но главной ее любовью была славянская этимология, в которой она заслуженно считалась одним из крупнейших знатоков. Пока это было возможно, она покупала новые выпуски «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О. Трубачева и тома других словарей, а в специальной периодике появлялись ее работы.

Ежедневный кропотливый труд, несуетная забота о точности слов, неторопливая и негромкая речь — так Е.Ф. хранила филологию, но и филология хранила ее. Воспитанная своими учителями, корифеями довоенного филфака, — В. П. Бесединой-Невзоровой, Н. М. Баженовым, А. М. Финкелем, о которых она рассказывала с трепетом, Е.Ф. была звеном в эстафете научных поколений. От ее учителей ниточка тянется к дореволюционной науке, к тем, кто слушал лекции самого Александра Потебни.

Не читая уже лекций и не ведя семинаров, Е.Ф. ежедневно бывала в университетской библиотеке, где работала над своим многолетним проектом — этимологическим словарем русского языка.

Днем 1 декабря 2010 г., побывав в библиотеке и заглянув на кафедру, она предупредила присутствующих, что отправляется на несколько дней к племянникам в Шебекино. Неделью спустя она не подходила к телефону, и коллеги, заволновавшись, наведались к ней. В двери они обнаружили телеграмму от разыскивавшей ее шебекинской родни.

Ученики разных поколений, собравшиеся у закрытого гроба в зале крематория, свидетельствовали: Ася Широкоград выбрала верную дорогу. «Всю жизнь она работала над собой и умерла в доброй старости, насытившись годами, как библейские патриархи», — провожал ее о. Виктор Маринчак.

Евангельские чудеса

«Нечто, обозначающее цельную ситуацию, в которой «говорение» предполагает «слушание» и наоборот, — «круговорот речи» или даже нечто большее — «круговорот общения». Так определяет «Чудо» словарь Юрия Степанова «Константы»⁶. Иными словами, Степанов допускает сближение «Чуда» и «Слова» (подтвержденное и этимологией: слав. **čudo* — это «чудо, воспринятое на слух»⁷). Христианское понимание «Чуда», отмеченное в тексте Евангелий, проникает в восточнославянскую культуру с переводами Нового Завета. В Евангелиях описано несколько десятков чудес, совершенных Иисусом, но при этом они редко обозначаются собственно словом *чудо*. Это слово может присутствовать в текстах, и тогда оно выступает как ключ к повествованию о «Чуде». Изредка чудеса называются *делами* или *знамениями*. Значительно чаще бывает так, что описанная ситуация не содержит «чудесной» лексики. Но, принимая модель «Чуда» как «круговорота общения», можно заметить устойчивые и повторяющиеся признаки «чудесной» ситуации⁸:

— Ряд обозначений «Чуда» представлен в Евангелиях существительными *дела*, *знамения*, *чудеса*. Однако редкость появления этого признака говорит о том, что он в структуре концепта не главный;

— «Чудо», в согласии с гипотезой о тождественном устройстве концептов «Чудо» и «Слово», возникает во время встречи и общения двух сторон. Один из участников контакта неизменен — это Иисус, всегда названный по имени. Второй — человек, находящийся в кризисной ситуации, требующей разрешения, — болезни или недостатка (слепота, немота, глухота, одержимость бесами). В тексте названо лицо и его атрибут, обозначен признак «объект»: *теща, лежащая в горячке* (Мф. 8:14), *глухой косноязычный* (Мк. 7:32), *страждущий водяною болезнью* (Лк. 14:2);

— Признак «встреча/установление контакта» представлен как просьба, молитва страждущего с использованием глаголов *приступить*, *кланяться*, *поклониться*⁹, которые можно рассматривать как описание собственно встречи, и других глаголов: *глаголати*, *зъвати*, *возопити*, *молити*, *отъвещати*, *вознести гласъ*, *возопити гласъмъ велиемъ*, *очистити*, *помилувати*, *возложити руку*, *сънити исцелитъ*, *помочи*. Можно говорить об открытости, ожидании чуда как одном из условий его совершения: «Христос, как известно, не мог творить чудеса в Назарете: там никто не ждал от него чуда и не открывался чуду <...> Христос исцелил женщину, открытую чуду»¹⁰. В то же время отмечены примеры, когда инициатива в установлении контакта исходит от Иисуса, и в таком случае признак выступает как «благорасположение», «предложение изменения»: *И видя Иисус веру их, сказал...* (Мф. 9:2), *Иисус, увидев ее, подошел...* (Лк. 13:12);

— Признак «способ/средство воздействия». Он, в свою очередь, состоит из компонентов: «слово к страждущему» (в ответ на его просьбу) со значением «испытание веры»: *И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать?* (Мф. 9:28); «испытание готовности к чуду»: *хочешь ли быть здоров?* (Ин. 5:6), а также слова с предписанием «восполнить недостаток», выраженным глаголами: *очистися*, *держася*, *въстани и возьми и иди*, *не плачися*, *гряди вънъ*, *буди тебе яко же хочещи*, *простъри руку*, *прозьри*; и, наконец, «констатация свершившегося изменения»: *ибо не умерла девица, но спит* (Мф. 9:24). Само словесное воздействие Иисуса описано глаголами *рече*, *глагола*, *отъвеща*, *возгласи*, *вопроси*, *возъва*;

⁶ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 247.

⁷ Этимологический словарь славянских языков. Вып. 5. М., 1978. С. 35.

⁸ В ходе работы над темой «чуда» привлекались церковнославянские евангельские тексты. В этой книге принят компромиссный подход: слова и словоформы даны на церковнославянском языке, но в современной орфографии; цитаты из Евангелий — в синодальном переводе на русский язык.

⁹ Церковнославянские формы приводятся с упрощением орфографии, в частности, [ѣ] передается через [е], но [ѣ] и [ѣ] сохраняются.

¹⁰ Померанц Г. С. Docta ignorantia // Знамя. 1995. №12. С. 204.

— Признак «подготовка к чудотворному действию», который реализуется в словах: *милосердовати, приступити, приїти, обратитися, видети, розумети, дивитися, възьрети на небо, въздохнути* и связан с компонентом «акт чудотворения», описанным как *прикоснутися, простерть руку, възложити перъсты, плиннути, сътворити бръние, коснувъ одръ, имъ за руку, помазати очи, възложити руку*. Сам «способ чудотворства» представлен комбинацией признаков «слово», «намерение» и «действие», но может быть выражен только как «слово» или только как «действие». Иными словами, в каждом конкретном явлении «Чуда» реализуется общая модель, но в наборе компонентов того или иного признака концепта, как и в их последовательности, она достаточно свободно варьируется;

— Дополнительные элементы вступления, заставки, диалога между Иисусом и страждущим, замедляющие развитие действия: а) нравоучение: *о, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?* (Мф. 17:17); б) обращение к Богу: *Отче! Благодарю Тебя, что Ты услышал Меня... чтобы поверили, что Ты послал Меня* (Ин. 11:41—42); в) притча: *[Хананеянка] говорила: Господи! Помоги мне. Он же сказал в ответ: не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему* (Мф. 15:26—28);

7) Признак «разрешение кризиса», «восполнение недостатка», «мгновенное преобразование», с таким лексическим и синтаксическим выражением: а) использование слова *абие* (*тотчас*): *и он тотчас очистился от проказы* (Мф. 8:3); б) указание на время происходящего: *и выздоровел слуга его в тот час* (Мф. 8:13); в) синонимическое (тавтологическое) обозначение происходящих изменений: *и возвратился дух ее; она тотчас встала* (Лк. 8:55); г) интенсификация признака: *и горячка оставила ее, и она встала и служила им* (Мф. 8:15). Возможно «восполнение недостатка» в случае двух кризисных состояний сразу: *и тотчас отверзся у него слух, и разрешились узы его языка* (Мк. 7:35);

8) Признак «эффект славы», в структуре которого отчетливо выделяется несколько уровней по степени яркости этого эффекта: а) «удивление», выраженное глаголами *чудитися* (*удивиться*): *народ же, видев это, удивился* (Мф. 9:8) и *дивитися*: *и чрезвычайно дивились* (Мк. 7:36); б) «страх, ужас»: *и всех объѣл страх* (Лк. 7:16); *ученики ужаснулись от слов Его* (Мк. 10:24); в) «прославление», которое может выражаться в сочетании с глаголом одной из предшествующих фаз: *народ же, видев это, удивился и прославил Бога* (Мф. 9:8) или самостоятельно. Отмечаются другие лексические средства с семантикой «славы»: *и весь народ, видя это, воздал хвалу Богу* (Лк. 18:43). Несомненно, важен для характеристики концепта компонент «вера». Его близость к «чуду» объясняется развитием «чудесной» ситуации по направлению к пределу, результату воздействия, и этим результатом можно считать «уверование» в творца чуда — Иисуса.

Итак, структура концепта «Чудо» включает как обязательные, так и дополнительные элементы. Располагаются они в определенной последовательности, разворачивая картину чудесного явления. «Чудо» происходит в точке встречи Иисуса и «объекта» в ситуации «кризиса» или «страдания». Болезнь или недостаток «объекта» предполагает его готовность к изменению, необыкновенному контакту («молитва» или «просьба»), но также «инициативу чудотворца», проявляющего благую волю. Как кульминация действия, происходит «чудесное воздействие» и «преобразование», нередко мгновенное, в котором заключается сверхъестественный эффект. Как следствие этого преобразования выступает реакция «прославления» (обратный импульс от человека к Иисусу и Богу; «возвращение» той самой «ценности», обмен которой предполагается в общении сторон) и «торжество веры» («спасение»).

Житийные чудеса

Если евангельские эпизоды чудес уподобить сценическому действию, в котором событие разворачивается во времени (перед читателем проходят «экспозиция», «развитие действия», «кульминация», сменяющаяся «оациями» и «занавесом»), то похожая «драматургичность» подхватывается затем литературой житий святых, так что предложенный выше сюжетный, ситуационный принцип регистрации «Чуда» применим и к агиографическому жанру. Кристаллизующийся на христианском Востоке из различных источников, проникающий в Европу и на Русь, этот жанр включает мотив исцеления, превращая его в стереотип, «трафарет ситуации» (по Д. С. Лихачеву). «Чудо в житийной литературе — совершенно необходимая составная часть. Только оно вносит движение и развитие в биографию святого»¹¹. Обязательность житийных формул в описании жизни и деяний святого составляет часть агиографического канона. Жития, перенимая пафос новозаветных историй, не наследуют их поэтику буквально; житийные исцеления более разнообразны — не только сам святой, но и его тело (мощи) исцеляет людей. Таковы, например, посмертные чудеса Алексея, человека Божия из знаменитого византийского жития: «Страждавшие неисцелимыми недугами, взглянув на святого, разрешились от всех скорбей своих — немые заговорили, слепцы прозрели, одержимые демоном стали здоровы, прокаженные очистились и всякая иная болезнь отошла от них»¹².

«Чудо» как «знак верности и преданности»¹³ отвечает предназначению жития — быть посредником между миром реальным, несовершенным, конечным и идеальным, истинным, нетленным. Эта функция требует соблюдения канона, который практически исключает новизну и фабульную занимательность. Заменой этих впечатлений служит *умиление* (близкое к реакции на *чудо*), позволяющее читателю прикоснуться к образу святости, воплощающему уподобление Христу. *Умилением*, с помощью *страха божия* освобождающим восторженное *изумление чуждо*, агиография создает атмосферу *подданнической присвоенности*, в которой легко *блаженствовать*. Таковы, согласно Б. Берману, универсалии житийной поэтики¹⁴.

Но повествуя о чуде, житие, с одной стороны, сохраняет жанровую трафаретность, а с другой обнаруживает приметы занимательности. Особенно заметны новые черты в житиях Русского Севера. «В разделе чудес агиограф был менее всего связан обязательным соблюдением риторических правил житийного жанра: каждое чудо представляло собой отдельный самостоятельный рассказ о каком-то событии, и рассказ этот мог быть либо сухой протокольной записью в несколько строк, либо развернутым повествованием, длительным во времени и сложным своими перипетиями»¹⁵ — писал Л. Дмитриев.

«Сфера чудесного» в житийной поэтике представлена, прежде всего, самим словом *чудо*, которое функционирует в текстах так:

— Вводит в тональность повествования, играет роль ключа к эпизоду либо эмблемы, открывающей «чудесный» эпизод: *хочу побеседовать с вами о преславных чудесах, которые творит Бог праведникам* (примеры — из «Жития Сергия Радонежского» Епифания — К.Б.)¹⁶;

— Обрамляет эпизод с чудесным событием: *сколь много, говорит, чудес творит Бог с помощью своего слугителя, святого Сергия, может быть, и к нам будет милосерден... и*

¹¹ Лихачев Д. С. Изображение людей в житийной литературе XIV — XV вв. // Труды отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Т. 12. 1956. С. 107.

¹² Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. М., 1972. С. 161.

¹³ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 127.

¹⁴ Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиция его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 164.

¹⁵ Дмитриев Л. А. Жанр севернорусских житий // ТОДРЛ. Т. 27. 1972. С. 193.

¹⁶ Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца, написанное учеником его Епифанием Премудрым. Памятники древней письменности и искусства. №58. СПб., 1885. С. 99. Цитаты из житийных текстов даются в авторском переводе на современный русский язык.

радуясь, пошел к себе, благодаря Бога, творящего дивные и славные чудеса с помощью праведника;

— Регистрирует состоявшееся чудо, как бы присваивает ему ярлык: *узнали об этом чуде от ученика святого [Сергия].*

Роль «ключа» выполняет и эмблема в тексте, появляющаяся там, где житие останавливается, чтобы включить рассказ о чуде. В этом случае о чуде говорится в рамках маленьких вставных новелл: *и стал столь добродетелен, что творил чудеса. Скажем нечто о них. Чудо первое...* («Житие Серапиона», л. 15об.)¹⁷. Точно так же может вводиться и второе, и третье, и десятое чудо. Списки многих десятков посмертных чудес присоединяются зачастую к основному тексту жития.

Наблюдения над текстами показывают, как строится агиографическое повествование о чудесах:

— предисловие рассказчика (*Хочу побеседовать с вами о преславных чудесах... или: Скажем нечто о них...*);

— место действия и обозначение ситуации (*Так как не было вблизи обители воды, а братия умножилась, нужно было издалека носить воду... или: Пришла смертоносная язва на Великий Новгород...*);

— кризис (*и поэтому кое-кто начал роптать на святого, говоря, зачем, не подумав, основал здесь обитель, рядом с которой нет воды;* — примеры из «Жития Сергия»);

— необязательный элемент: святой увещевает братию, отсылая к общеизвестному прецеденту, как правило, из Библии (*Бог захотел обитель создать, чтобы прославить его святое имя; дерзайте в молитве и не пренебрегайте, и если строптивым израильтянам дал воду из камня, то вас, работающих ради него день и ночь, отвергнет ли?*);

— молитва, состоящая из прославления Бога (*молю, Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, создавший небо и землю*); самоуничтожения и упования (*о том молимся мы, грешные и недостойные рабы твои: услышь нас и яви славу свою*); конкретной просьбы, иногда сопровождающейся апелляцией к библейскому прецеденту (*как в пустыне сотворил чудо Моисею крепкой рукой, заставив своим повелением водоточить камень, так и здесь покажи свою силу, дай нам воду на этом месте*). Стандартное содержание молитвы может быть дано и без вводных слов (*Архиепископ Серапион, объятый скорбью, начал молится Богу и святой Богородице со слезами*);

— внезапное изменение, собственно «Чудо» (*и только проговорил святой и место наметил, как внезапно появился мощный источник, который и сегодня все видят*

¹⁷ Моисеева Г. Н. Житие новгородского епископа Серапиона // ТОДРЛ. Т. 21. 1965. С. 147—165.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.